

Древний и Средневековый Крым

Вып. 1

Тюмень Нижневартовск
2017

ББК 63
Д 34

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного университета

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук М.М. Чореф

Н 34 **Древний и средневековый Крым.** Вып. 1 / Отв. ред. М.М.
Чореф. – Нижневартовск: Нижневарт. гос. ун-т, 2017. – 62 с.

ISBN 978-5-89988-465-8

Сборник научных трудов «Древний и средневековый Крым»
посвящен актуальным проблемам истории и археологии Крыма.

Адресован магистрантам, аспирантам, и студентам высших
учебных заведений, преподавателям и сотрудникам
образовательных учреждений.

ББК 63

ISBN 978-5-89988-465-8

© Издательство НВГУ, 2017

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 30.05.2017

Формат 60×84/16. Электр.

Гарнитура Times. Усл. печ. листов 3,9

Тираж 300 экз. Заказ 1855

Отпечатано в Издательстве

Нижевартовского государственного университета

628615, Тюменская область, г.Нижневартовск, ул.Дзержинского, 11

Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru

Содержание

Д.В. Андриевский. Вновь найденная вариация статера Рескупорида II	4
Н.П. Федоров, Д.В. Андриевский. Новая разновидность статера Рескупорида V как источник исторической информации.	13
Н.П. Федоров. О времени распространения в Византии китайской технологии монетного литья.	18
В.А. Денисов. Литое подражание солиду Феофила из округа Севастополя.	22
М.Я. Чорэф, М.М. Чорэф. К атрибуции пещерного комплекса у ворот Кичик-Капу.	27
К.С. Чорэф. Предполагаемая гениза Чуфут-Кале	40
М.М. Чорэф. Биография Мухаммеда Гирая IV	48
В.А. Денисов. Панацеи из Крыма.	58

ВНОВЬ НАЙДЕННАЯ ВАРИАЦИЯ СТАТЕРА РЕСКУПОРИДА II

Аннотация: Сравнительно недавно была найдена неизданная боспорская монета. Речь идет о статере боспорского царя Рескупорида II с дифферентом "меч" на аверсе. Но на ее реверсе эмиссионных обозначений нет. Полагаю, что эта монета была выпущена в период времени, когда провинция, эмблемой которой был знак "меч" не была подчинена какой-либо иной территориально-административной единице.

Ключевые слова: Боспор, варварское нашествие, история, нумизматика, статер.

Нумизматика Боспорского царства изучается уже не первое столетие. В результате длительного и плодотворного изучения в научный оборот были введены результаты фундаментальных исследований А.Л. Бертье-Делагарда [4, с. 305—329], Н.А. Зографа [6], В.А. Анохина [1; 2; 3] и Н.А. Фроловой [9; 10] и многих других. Однако вопросы все еще остаются. Дело в том, что ученые до сих пор не выработали единой точки зрения по вопросу о наличии на боспорских монетах дифферентов. Речь идет о специальных буквенных и символьных обозначений, не являющихся основными элементами оформления денег¹.

Первым их на боспорских монетах описал А.Л. Бертье-Делагард [4, с. 305—329]. Он же разработал и их первую классификацию [4, с. 305—329]. Ученый разделил их на три группы. В первую он выделил изображения оружия: «палицу», «копье»² и «трезубец». Во вторую ученый вынес элементы природы: «звезду» («солнце»), «полумесяц», а также «орла» и «венки». В третью группу А.Л. Бертье-Делегерд включил

¹ В частности, идет дискуссия по вопросу их этнической атрибуции.

² Вслед за М.М. Чорефом [16, с. 172, прим. 1] вижу в ней стрелу.

«изображения выдуманных предметов»: «розетку», точечные композиции и символы «А», «В», «І» и «К» [4, с. 306]. Нумизмат считал, что если литеры третьей группы могли быть обозначениями номинала [4, с. 307], то прочие дифференты, возможно, являлись метками монетных мастерских [4, с. 308].

Но ученый не настаивал на истинности своей гипотезы. Ведь у него были все основания полагать, что обозначения первой группы символизировали могущество царей Боспора, считавших себя потомками Геракла и Посейдона [7, № 980, 1048]. Т

Действительно, трудно было атрибутировать знаковые дифференты без знания символики ираноязычных племен — соседей Боспора. Однако во втор. пол. XX — нач. XXI в. ситуация изменилась. В научный оборот были введены результаты исследований Э.И. Соломоник [8], С.В. Драчука [5] и С.А. Яценко [27]. Ученым удалось выработать плодотворные методики истолкования знаков, а также набрать статистику их использования. И, хотя их выводы значительно разнятся, но, в любом случае, подходы к изучению знаков уже определены. В результате этого современным исследователям представилась возможность этнической атрибуции таких изображений.

В связи с этим стоит отметить и результаты исследований, проведенных М.М. Чорефом. Ему удалось объяснить сам факт наличия различных дифферентов на боспорских монетах. Ученый предположил и доказал, что они служили метками монетных дворов¹ провинций Боспорского государства [11, с. 24—29; 14, с. 44—59; 16, с. 171—200; 17, с. 329—371; 18, с. 127—156; 20, с. 456—487; 21, с. 111—130; 22, с. 191—215; 23, с. 119—124; 24, с. 279—299; 25, с. 105—112; 26, с. 247—259]. Так что речь идет об эмиссионных знаках. По его мнению, сочетание таких обозначений² свидетельствует о соподчинении регионов Боспорского государства [16, с. 171—200].

Таким образом, основываясь на выводах указанных исследователей, современные ученые получили возможность

¹ В том же качестве использовали и монограммы. Об их атрибуции см [12, с. 275—281; 13, с. 225—228; 15, с. 46—55; 26, с. 247—259].

² При этом монеты Пантикапея выпускались без дифферентов.

уточнить представления о территориально-административном устройстве Боспорского государства и об этническом составе его населения в разные периоды истории. Воспользуемся сложившейся ситуацией.

Тем более, что вопросы не только остаются. Мало того, со временем их количество возрастает. Дело в том, что ввод в научный оборот разновидностей боспорских монет с дифферентами продолжается до сих пор. Ведь их продолжают находить. Так, сравнительно недавно на сайте bosporan-kingdom.com была опубликована весьма интересная монета [28] — электровый статер Рескупорида II (211/212—228/229) с дифферентом—мечом на лицевой стороне (рис. 1). Эта монета и стала объектом моего изучения.

Перейду к ее описанию. На лицевой стороне изучаемой монеты оттиснуто каноническое изображение государя. Он — длинноволосый, с заметными усами, облаченный в тунику. Изображение обрамлено по кругу безукоризненной надписью: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ — «царя Рескупорида». Правее бюста правителя выбит хорошо узнаваемый меч. Причем явно греческий, не сарматский, и, что очень интересно — кавалерийский, так называемый махайра. Суджу по пропорциям, а также формам, размерам и сочетанию составляющих элементов. На оборотной стороне отчеканен бюст молодого человека — римского императора¹ и обозначение даты выпуска — ΖΙΦ. Следовательно, изучаемая монета была выпущена в 517 г. б.э., т.е. в 220—221 г. н.э.

Сразу же замечу, что ни В.А. Анохину, ни Н.А. Фроловой такой статер известен не был. Так что мне представилась возможность дополнить общепринятые представления о монетном деле Боспора в результате ввода в научный оборот и атрибуции монеты новой разновидности. Причем, учитывая то обстоятельство, что дифферент представляет собой характерное для греков оружие, то я не вижу необходимости в данном случае опираться на результаты исследований Э.И. Соломоник [8], С.В. Драчука [5] и С.А. Яценко [27]. Ведь они уделили внимание

¹ Об атрибуции таких изображений см. [19, с. 76—120]. На изучаемой монете оттиснут портрет императора Элагабала (218—222).

варварским знакам. Так что мне не остается ничего другого, как обратиться к результатам нумизматических исследований М.М. Чорефа. Дело в том, что он предложил объяснение появления на монетах дифферента «меч». Напомню, что ученый заключил, что этот символ служил эмблемой восточнопричерноморского эмиссионного центра, вернее всего, представлявшего собой мощную крепость. М.М. Чореф считает, что этот знак проставлялся на монетном дворе, обслуживавшего войска, оборонявшие азиатскую границу Боспорского государства [16, с. 181, 185]. С этим выводом есть все основания согласиться.

Однако заметим, что на реверсе изучаемой монеты дифферент не просматривается (рис. 1). И, соответственно, М.М. Чорефу такие монеты также не были известны [16, с. 171—200]. Однако этот факт отнюдь не опровергает его методику трактовки боспорских дифферентов. Дело в том, что, по логике М.М. Чорефа, это обстоятельство вполне объяснимо. Ученый считает, что оно может говорить только о том, что эмиссионный центр, использующий дифферент «меч» на момент выпуска заинтересовавшей меня монеты не контролировался наместником более значимой боспорской провинции. Замечу, что на реверсе монет с «мечом» на аверсе размещали дифференты «три точки» или «трезубец», что и было отмечено М.М. Чорефом [16, с. 181].

Попытаюсь обобщить выявленные факты. Считаю, что есть все основания предположить, что на момент выпуска изучаемой монеты эмиссионный центр с дифферентом «меч» не входил в состав какого-либо иного территориально-административного образования высшего уровня. Т.е. не был ему подконтролен. Именно это обстоятельство я и считаю кардинально важным. Дело в том, что оно дает возможность сделать исторические выводы. Ведь получается, что в то время значительная часть восточных боспорских владений была утеряна.

Очевидно, что это требует объяснения. Начнем с того, что оно не могло быть вызвано мирным разделом Боспорского государства между династиями — такой факт не известен. Да и вряд ли он был бы упущен античными историками и писателями, не был бы зафиксирован документально. Далее, нет оснований рассуждать о том, что выпуск в обращение статеров

изучаемой разновидности говорит о борьбе за власть между претендентами на боспорский трон. Дело в том, что интересующая меня монета была выпущена от имени легитимного, единоличного государя. Остается только полагать, что привлечший мое внимание статер мог быть отчеканен во время неизвестного военного конфликта, в результате которого сфера влияния боспорских государей значительно сузилась. Полагаю, что речь может идти только о варварском нашествии. Так как изучаемый статер был выпущен в азиатской части Боспора, то, получается, что отслеженный конфликт также произошел в восточной части государства. Этот вывод я считаю кардинально важным.

Перехожу к итоговым обобщениям. Получается, что статер Рескупорида II с дифферентом «меч» на аверсе мог быть выпущен в тот период времени, когда Боспор страдал от поражений, нанесенных его войскам варварами, наступавшими с востока. Вернее всего, речь идет о натиске алан. Хотя возможность успешного нападения готов отнюдь не исключается. Полагаю, что выводы могут быть сделаны только в результате археологического исследования. Сама же эмиссия монет изучаемой разновидности могла быть вызвана необходимостью оплачивать военные расходы. Вполне возможно, что все они остались в обращении подвергнувшегося нашествию региона. Вследствие этого ареал их хождения был крайне узок. А выпущенные монеты со временем были или тезаврированы, или переплавлены. Причем это могли сделать как представители государственной власти, так и варвары. Так что редкость заинтересовавшего меня статера и неизвестность монет его разновидности до настоящего времени — вполне объяснимы.

Таким образом, прихожу к выводу, что оказавшаяся в поле моего внимания монета является ценным источником исторической информации, предельно ясно описывающая ситуацию в Северо-Восточном Причерноморье в момент ее выпуска. Тогда сфера влияния боспорских государей сузилась в результате варварского нашествия.

Однако я не считаю мое исследование завершенным. Полагаю, что вероятность обнаружения схожих монет, причем

даже этой разновидности — все еще вполне вероятно. Может быть, мне удастся в обозримом будущем найти монету, выбитую тем же штемпелем аверса, но иным штампом реверса, возможно что и с дифферентом. Или иного года. Так что рассчитываю на то, что мне еще представится вероятность уточнить время и зону прослеженного военного конфликта. А также, с опорой на результаты археологических исследований, установить варваров, напавших тогда на Боспорское государство.

Надеюсь, что мне в обозримом будущем удастся уточнить мои выводы.

Литература

1. Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия, 1999.
2. Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Стилос, 2011.
3. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986.
4. Бертье-Делагард А.Л. Дифференты на боспорских царских монетах римского времени // ИС МНО. Т. I. Москва: Московская синодальная типография, 1911. С. 305—329.
5. Драчук С.В. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев: Наукова думка, 1975.
6. Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. Вып. 16. Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1951.
7. Корпус боспорских надписей / Струве В. В. (отв. ред.). Москва; Ленинград: Наука, 1965.
8. Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Издательство Академии Наук Украинской ССР, 1959.
9. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. I. Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н.э. — 210/211 гг. н.э. Москва: Эдиториал УРСС, 1997.

10. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. II. Монетное дело Боспора 211 — 341/342 гг. н.э. Москва: Эдиториал УРСС, 1997.
11. Чореф М. М. «Nomen est omen», или к истории Таврики рубежа н.э. // НвБелГУ. Т. 26. № 8(151). С. 24—29.
12. Чореф М.М. «Ab exterioribus ad interiora», или некоторые недоуменные вопросы истории христианской Таврики // Христианство в регионах мира (Христианская архаика) / Альбедиль М.Ф., Шевченко Ю.Ю. (отв. ред.). Вып. 3. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2011. С. 275—281.
13. Чореф М.М. «Ad fontes», или к прочтению монограммы // Российское византиноведение: традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. Москва 27-29 января 2011 г. Москва: Московский университет, 2011. С. 225—228.
14. Чореф М.М. «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II // НвБелГУ. Т. 22. № 7 (126). С. 44—59.
15. Чореф М.М. «Lapis offensionis», или к расшифровке монограмм правителей Феодоро // НвБелГУ. Вып. 19. № 13(108), 46—55.
16. Чореф М.М. «Nod multa, sed multum», или дифференты на монетах Боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник // Stratum plus. 2012. № 4. С. 171—200.
17. Чореф М.М. Боспорское царство при Фофорсе: по данным нумизматики // РАЕ. 2014. Вып. 4. С. 329—371.
18. Чореф М.М. Династическая история Боспора рубежа новой эры по данным нумизматики // Stratum plus. 2013. № 6. С. 127—156.
19. Чореф М.М. Изображения императоров династии Юлиев—Клавдиев на золоте, серебре и меди херсонесского чекана // МАИАСК. 2010. Вып. 2. С. 76—120.
20. Чореф М.М. К биографии Асандра: путь к престолу // МАИАСК. 2014. Вып. 6. С. 456—487.

21. Чореф М.М. К вопросу о времени и обстоятельствах появления изображений пятиколонного храма на монетах боспорского чекана // *Stratum plus*. 2015. № 6. С. 111—130.
22. Чореф М.М. К вопросу о периодизации денежного обращения Таврики в эпоху римского господства // *Stratum plus*. 2013. № 4. С. 191—215.
23. Чореф М.М. К вопросу об организации эмиссии медных и бронзовых монет архонта Асандра // *Stratum plus*. 2016. № 4. С. 119—124.
24. Чореф М.М. Надчеканки на медных монетах боспорского архонта Асандра // *МАЙАСК*. 2015. Вып. 7. С. 279—299.
25. Чореф М.М. Памятные монеты Махара боспорского чекана как исторический источник // *Stratum plus*. 2012. № 6. С. 105—112.
26. Чореф М.М. Территориально-административное устройство Боспорского царства при Фарнаке II по нумизматическим данным. Петербургский апокриф. Послание от Марка (сбор. посвященный памяти Марка Борисовича Щукина). Кишинев, 2011. С. 247—259.
27. Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. Москва: Восточная литература, 2001.
28. Паспорт монеты Боспорского царства 637-4989-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/637-4989/1.html> (дата обращения 11.02.2017).

Рис. 1. Статер Рескупорида II с дифферентом “меч” на аверсе.

Н.П. Федоров
независимый исследователь,
Д.В. Андриевский
Русское географическое общество

НОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ СТАТЕРА РЕСКУПОРИДА V КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация: монеты чекана этого государя были введены в научный оборот еще на заре становления нумизматики. Однако обнаружение их новых типов все еще вполне вероятно. Так, сравнительно недавно близ г. Старый Крым был найден статер этого правителя. Эта монета стала объектом моего исследования. Учитывая результаты изучения дифферентов на боспорских монетах, проведенного М. М. Чорефом, был сделан вывод о расширении зоны влияния этого государя, отразившегося в поступлении в обращение изучаемой монеты.

Ключевые слова: Боспор, история, нумизматика, Рескупорид V, статер.

Объектом моего исследования стала, на первый взгляд, рядовая боспорская монета — т.н. деградированный статер (рис. 1). На его лицевой стороне выбито стилизованное изображение северопонтийского государя, обрамленное плохо сохранившейся, но все же читаемой легендой. Хорошо различимо только «ΒΑΣΙΛΕ» и «ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙ». Восстанавливаю надпись как «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙ». Полагаю, что ее можно перевести как «*Царя Рескупорида*».

Сразу же замечу, что нас не должны удивлять ошибки в легенде. Ведь написание «ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙ» вместо традиционного «ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ» или широко распространенного «ΡΙΣΚΟΥΠΟΡΙΣ» — вполне допустимо [1, с. 323–372]. Остается только констатировать факт, что резчик штемпеля аверса не овладел нормами греческой грамматики. Собственно, столь же слабо он был подготовлен и к своей профессиональной деятельности. Об этом свидетельствует

неоправданно низкий рельеф как бы процарапанных, но, в то же время, оплывших букв, а также небрежность при передаче дифферента «*трезубца*», размещенного правее изображения боспорского государя.

Обратим внимание на реверс этой монеты. Хорошо видно, что на нем кроме привычного стилизованного изображения императора размещено весьма неординарное обозначение даты выпуска — «AVX» («*αvχ*»). Последнее обстоятельство привлекло мое внимание. Дело в том, что символ «*v*» не мог быть использован с такой целью на Боспоре, так как обозначал число 500 и был размещен после «*χ*», проставленного с целью информирования о веке выпуска, в данном случае — седьмого. С учетом этого, предполагаю, что этот символ является вертикально отраженной «*λ*». В таком случае, получаю вместо неординарного «*αvχ*» логичное «*αλχ*», которое, в свою очередь, могло быть использовано для обозначения вполне допустимой даты — 631 г. б.э. (334/335 г. н.э.). Следовательно, есть все основания отнести изучаемую монету к эмиссии последнего боспорского государя Рескупорида V(611—639 гг. б.э., 318—342 гг. н.э.).

Подчеркну, что при этом государе выпускали монеты с горизонтально отраженными обозначениями даты выпуска. Речь идет о статерах 629 г. б.э. (332/333 г. н.э.). Основываясь на этом, предполагаю, что боспорские монетарии вполне могли развернуть один из символов даты вертикально. Само же оформление нашего статера очередной раз свидетельствуют о низком уровне подготовки монетных мастеров Боспорского государства.

Однако не это обстоятельство привлекло мое внимание. Куда примечательнее сам факт обнаружения статера 631 г. б.э. Дело в том, что до недавнего времени считалось, что единственная подобная монета была издана на заре становления нумизматики как науки, а позже была утеряна. Напомню, что ее ввел в научный оборот Д. Сестини [8, р. 79, № 21]. К сожалению, ученый не привел изображение своей находки. Судя по его краткому описанию, на лицевой стороне монеты было выбито изображение боспорского царя, окруженное надписью «*ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥΠΙΟ*», а на оборотной был различим бюст

императора и обозначение даты «ΑΛΧ» («αλχ»). По крайней мере, очевидно, что в написании даты не было ошибки. Так что у нас есть все основания заключить, что в 631 г. б.э. монеты чеканили по крайней мере двумя штемпелями реверса, причем на одном из них было вырезано искаженное обозначение даты выпуска.

Попытаемся истолковать выявленное обстоятельство. Начну с того, что на монете, изданной Д. Сестини, не были выявлены дифференты [8, р. 79, № 21]. А, напомним, что на аверсе вновь найденного статера различим «*трезубец*» (рис. 1). С учетом ранее прослеженных обстоятельств, приведших к появлению или исчезновению подобных обозначений [4, С. 171—200; 5, с. 456—487; 6, с. 279—299], допускаю, что интересующая меня монета была выпущена на монетном дворе важнейшей резиденции боспорских государей со времен Рескупорида IV (539—550, 551—554, 558—564, 572—573 г. б.э., 242/243—253/254, 254/255—257/258, 261/262—267/268, 275/276—276/277 г. н.э.) [4, с. 187—195]. Следовательно, есть все основания считать, что в 631 г. б.э. монетное производство было налажено в двух центрах. А этим, в свою очередь, можно объяснить вариации в написании обозначений даты.

Итак, заключаю, что Рескупориду V в 631 г. б.э. были подконтрольны, по крайней мере, два ключевых региона Боспорского государства: столица, монетарии которой выпускали статеры без дифферентов [2, с. 254; 3, с. 47—51; 4, С. 177; 5, с. 333] и долговременная царская резиденция на противоположной — азиатской стороне, символом которой был «*трезубец*». Следовательно, этот государь в 631 г. б.э. контролировал Боспорский пролив. А это, в свою очередь, говорит о прочности его режима.

У нас есть основания полагать, что этот порядок вещей сохранился до конца правления Рескупорида V. Сужу по тому, что на монетах его последних эмиссий или отсутствуют дифференты, или встречаются обозначения «двузубец» или «». Т.е. этот правитель продолжал контролировать важнейшие регионы Боспора. Допускаю, что тому причиной был военный успех, в память о котором в 638 г. б.э. (341—342 г. н.э.) были

выпущены статеры с очевидным символом победы — пальмовой ветвью на реверсе.

Однако заметим, что вне зоны моего внимания весьма осталось одно, причем очень важное обстоятельство. Дело в том, что пока не объяснена исключительную редкость изучаемой монеты. Считаю, что этот факт может быть объяснен только хроническим кризисом античного производства, не нуждавшегося в значительной денежной массе. Вернее всего, эмиссия 631 г. б.э. в монетном центре с дифферентом «трезубец» была крайне незначительна, были выпущены по сути памятные статеры.

Таким образом, благодаря изучаемой монете, мною была реализована возможность уточнения представлений об истории Боспорского государства в последние десятилетия его существования. Так, есть все основания считать, что в 631 г. б.э. зона влияния Рескупорида V значительно расширилась: царь контролировал оба берега пролива. Это может быть объяснено проведением успешной военной операции. Однако экономическая ситуация в регионе оставалась крайне сложной. В результате монетный двор центра «трезубец» в том году выпустил только одну серию довольно небрежно оформленных статеров. Допускаю, что они представляли собой памятные монеты. В любом случае, у нас есть все основания в очередной раз убедиться в чрезвычайной перспективности изучения дифферентов на выпусках позднеантичного Боспора.

Литература

1. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. II. Монетное дело Боспора 211 — 341/342 гг. н.э. М.: Эдиториал УРСС, 1977.
2. Чореф М.М. Территориально-административное устройство Боспорского царства при Фарнаке II по нумизматическим данным // Петербургский апокриф. Послание от Марка (сбор. посвященный памяти Марка Борисовича Шукина). Кишинев, 2011. С. 247—259.
3. Чореф М.М. «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II // Научные

ведомости Белгородского государственного университета. 2012. Т. 22, № 7 (126). С. 44—59.

4. Чореф М.М «Non multa, sed multum», или дифференты на монетах боспорского царства периода «скифских войн», как исторический источник // *Stratum plus*. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2012. С. 171—200.
5. Чореф М. М. Боспорское царство при Фофорсе: по данным нумизматики // *Российский археологический ежегодник*. № 4. Санкт-Петербург, 2014. С. 323—365.
6. Чореф М. М. К биографии Асандра: путь к престолу // *МАИАСК*. 2014. Вып. 6. С. 456—487.
7. Чореф М. М. Надчеканки на медных монетах боспорского архонта Асандра // *МАИАСК*. 2015. Вып. 7. С. 279—299.
8. Sestini D. *Descrizione d'alcune medaglie greche del museo del signore barone Stanislao di Chaudoir*. Firenze: Presso Guglielmo Piatti, 1831.

Рис. 1. Статер 631 г. б.э.

Н.П. Федоров
независимый исследователь

О ВРЕМЕНИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В ВИЗАНТИИ КИТАЙСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ МОНЕТНОГО ЛИТЬЯ

Аннотация: Предметом исследования стал бронзовый слиток, представляющий собой две отливки фоллисов Анастасия I. Очевидно, что он был изготовлен по китайской технологии монетного литья. Сделан вывод, что эта технология могла стать известной в Европе в VI в.

Ключевые слова: История, археология, нумизматика, литье монет, китайская технология.

Сравнительно недавно, в конце 2016 г., вышла в свет статья М.М. Чорефа «Следы Великого шелкового пути, или о технологии монетного литья в византийском Херсоне» [1, с. 319-327]. Она показалась мне очень интересной. Действительно, литые копии византийских монет периодически попадают в поле зрения специалистов. Причем речь не идет только о таврических выпусках. Замечу, что известны литые копии монет, происходящие из Балканского региона.

Так, предметом моего изучения стала бронзовая монетовидная отливка, изображение которой приведено на рис. 1. Хорошо видно, что она состоит из двух реплик фоллисов Анастасия I (491-518). На лицевых сторонах этих монет просматривается изображение императора. Оно очень расплывчиво. Сказывается несовершенство технологии. Окружающая ее надпись практически не читается. На реверсе монет различимо «М» – обозначение номинала. Прочие элементы монетного оформления, в т.ч. эмиссионное обозначение «CON» лишь угадывается. Полагаю, что по той же причине. Собственно, это обстоятельство позволяет заключить, что предмет нашего изучения представляет собой довольно некачественную реплику византийской монеты. И, следовательно, не заслуживает серьезного изучения.

Однако, что интересно, отливки соединены толстым и коротким литником. Таким же, как и позднейшие монеты Херсона, опубликованные М.М. Чорефом [45, рис. 6,3]. Складывается впечатление, что заинтересовавшие нас отливки также были изготовлены по китайской технологии. Этот момент я нахожу очень важным. Ведь, в данном случае, копировали фоллис Анастасия I, а не тиражировали таврические монеты со спорной датировкой. А это, в свою очередь, позволяет установить период распространения китайской технологии монетного литья в среде народов «византийского мира».

Замечу, что китайскую технологию монетного литья могли знать не только авары. Известно, что ее использовали и иранцы в период правления Сасанидов. На рис. 2 приведено изображение литой монеты в двенадцать нуммиев Хосрова II (591-628), выпущенной в Александрии Египетской. Однако эта монета была выпущена позже фоллисов Анастасия I. И не могла одновременно с ними находиться в обращении. Тем более, что в Иране монеты не лили. Так что есть все основания полагать, что технологию массового монетного литья тогда могли знать и в Египте.

Попытаюсь сформулировать выводы. Полагаю, что китайскую технологию монетного литья принесли в Европу авары. Они могли попытаться наладить производство бронзовой византийской монеты. Однако низкий рельеф их оформления не позволил выпускать качественные копии. В результате авары переключились на эмиссию реплик солидам.

Однако китайская технология монетного литья не была забыта. Вполне возможно, что ее использовали для изготовления подражаний византийскому золоту. Причем ее использовали не только варвары, но и жители Византии. Позже ее могли задействовать официальные монетарии Херсона для эмиссии местных бронз.

Таким образом, проведя небольшое исследование, я выработал тезис, как мне кажется, позволяющий датировать распространение китайской технологии массового монетного литья в Европе, и, в частности, в Византии. Выношу его на научное обсуждение.

Литература

1. Чорев М.М. Следы Великого шелкового пути, или о технологии монетного литья в византийском Херсоне // Stratum plus. 2016. № 6. С. 319-327.

Рис. 1. Литые реплики фоллисов Анастасия I и их оригинал.

Рис. 2. Литая монета в двенадцать нуммиев Хосрова II, выпущенная в Александрии.

В.А. Денисов

Русское географическое общество

ЛИТОЕ ПОДРАЖАНИЕ СОЛИДУ ФЕОФИЛА ИЗ ОКРУГИ СЕВАСТОПОЛЯ

Аннотация: Объектом исследования стала литая реплика византийской золотой монеты, найденная в Севастополе. Был сделан вывод, что сам факт ее выпуска свидетельствует об отсутствии имперского контроля в регионе.

Ключевые слова: История, Византия, нумизматика, подражание, Таврика.

Кроме подлинных монет [2, С. 326-331; 3, С. 274-302; 4, С. 225-228; 5, С. 46-55; 6, С. 171-200; 7, С. 243-252; 8, С. 76-120; 9; 10, С. 8; 11, С. 327-358; 12, С. 117-130; 13, С. 191-215; 14, С. 74-81; 15, С. 140-148; 16, С. 332-339; 17, С. 273-277; 18, С. 248-255; 19, С. 116-120; 20, С. 69-78; 21, С. 35-51; 22, С. 166-168; 23, С. 78-89] нумизматы изучают и древние подражания [10, С. 8]. Ведь они, как нельзя лучше, характеризуют состав денежного обращения в изучаемый период. Особо интересны реплики византийским монетам, обращавшиеся в раннесредневековой Таврике.

Итак, в 2012 г. в Севастополе была найдена литая бронзовая реплика золотой монеты Феофила (829-842) (рис. 1). Это подражание отличной сохранности. Хорошо сохранилась даже позолота (рис. 1). Собственно, бронза проступила только по гурту. Следовательно, реплики изготовили опытные мастера, имеющие навыки не только качественного литья предметов малой пластики, но и их золочения. Допускаю, что они действовали длительное время, не опасаясь наказания за фальшивомонетчество. Иначе трудно объяснить тот факт они достигли высокого уровня мастерства, несопоставимого с навыками монетариев, пробовавших чеканить монеты на

Мангупе [10, С. 8]. В любом случае, с атрибуцией его оригинала проблем не возникает.

Перехожу к описанию объекта изучения. На лицевой стороне реплики различимо безупречное изображение императора в диадеме, с крестом в правой руке и с акакией в левой. Оно окружено хорошо исполненной легендой «ΘΕΟΦΙΛΟΣ ΒΑΣΙΛΕΙΩ». На оборотной стороне видны бюсты двух молодых правителей. По-видимому, соправителей Феофила: Михаила и Константина. Собственно, их имена различимы в легенде реверса: «ΜΙΧΑΗΛΣ ΚΟΝΣΤΑΝΤΙΝΩ». Прихожу к выводу, что на оборотной стороне монеты изобразили сыновей императора.

Попробую проанализировать полученную информацию. Начну с того, что копировали широко распространенный тип золота Феофила с изображением императора на аверсе и его сыновей на реверсе. Эти монеты выпускали в 831-840 гг. (Sear 1653) Полагаю, что изучаемую реплику выпустили в тот же период.

Перейду к историческим выводам. При Феофиле была создана фема [1]. Однако сам факт обращения в одноименном полисе и в его округе литой реплики золотого этого императора убедительно свидетельствует о том, что при нем контроль имперских властей в Таврике не ощущался. Делаю вывод, что, Херсон и его округа на момент выпуска изучаемой реплики не входили в состав империи. Следовательно, нет оснований полагать, что на монетном дворе этого города при Феофиле выпускали бронзовую монету от его имени.

Полагаю, что проведенное мною исследование позволяет уточнить наши представления о ситуации в Таврике в первой половине IX в. Рассчитываю на то, что публикация известного мне подражания повысит интересе а репликам монет, происходящих из Крыма.

Литература

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

2. Чореф М.М. Монетное дело Херсона при Льве VI Мудром // Сугдейский сборник. 2010. Вып. IV. С. 326-331.
3. Чореф М.М. «Ab exterioribus ad interiora», или некоторые недоуменные вопросы истории христианской Таврики // Христианство в регионах мира. 2011. Вып. 3. Христианская архаика. С. 274-302.
4. Чореф М.М. «Ad fontes», или к прочтению монограммы // Российское византиноведение: традиции и перспективы: Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов (Москва, 27-29 января 2011 г.). Москва, 2011. С. 225-228.
5. Чореф М.М. «Lapis offensionis», или к расшифровке монограмм правителей Феодоро // НВБелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 13(108). Вып. 19. С. 46-55.
6. Чореф М.М. «Non multa, sed multum», или дифференцы на монетах Боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник // Stratum plus. 2012. № 4. С. 171-200.
7. Чореф М.М. Денежная реформа Михаила III и Василия I Македонянина: переход к эмиссии таврических фоллисов // МАИАСК. 2012. Вып. 4. С. 243-252.
8. Чореф М.М. Изображения императоров династии Юлиев-Кладвиев на золоте, серебре и меди херсонесского чекана // МАИАСК. 2010. Вып. 2. С. 76-120.
9. Чореф М.М. История византийской Таврики по данным нумизматики. Тюмень; Нижневартовск, 2013.
10. Чореф М.М. К атрибуции Чамну-Бурунского клада // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 4. С. 8.
11. Чореф М.М. К вопросу о возможности эмиссии золота в византийском Херсоне // МАИАСК. 2011. Вып. 3. С. 327—358.
12. Чореф М.М. К вопросу о номиналах бронз раннесредневекового Херсона // МАИАСК. 2008. Вып. 1. С. 117-130.
13. Чореф М.М. К вопросу о периодизации денежного обращения Таврики в эпоху римского господства // Stratum plus. 2012. Вып. 4. С. 191—215.

14. Чореф М.М. К вопросу об атрибуции двух моливдовулов из Юго-Западного Крыма // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2014. Вып. 2. С. 74-81.
15. Чореф М.М. К истории монетного дела Херсона в V в. // 10 лет после миллениума. Новое в гуманитарном знании (история, политика, когнитивные практики). К 65-летию Института истории и политических наук ТюмГУ: Сборник статей Всероссийской научной конференции (Тюмень, 26 ноября 2010 г.). Ч. I. Тюмень, 2010. С. 140-148.
16. Чореф М.М. К истории монетного дела Херсона в первой половине VI в. // Сугдейский сборник. 2010. Вып. IV. С. 332-339.
17. Чореф М.М. К истории ранневизантийской Таврики: по данным сфрагистики // Византия и византийское наследие в России и мире: Тезисы докладов XX Всероссийской научной сессии византинистов (Москва, 3-6 июня 2013 г.). Москва, 2013. С. 273-277.
18. Чореф М.М. Монетное дело Херсона в первой половине VIII в. // ВВ. 2010. Т. 69(95). С. 248-255.
19. Чореф М.М. Новый тип монетного литья Херсона // Причерноморье. История, политика, культура Избранные материалы V Международной научной конференции "Лазаревские чтения". Сер. "Античность и средневековье". Севастополь, 2010. С. 116-120.
20. Чореф М.М. От «Imperatorēs divī» к «Ev τούτω νίκας», или религиозные искания первых Ираклидов: нумизматический аспект // Вестник Нижневартковского государственного университета. Вып. 4. С. 69-78.
21. Чореф М.М. Позднейшие эмиссии Херсона, или к атрибуции монет с монограммой «Рω» // Вестник ТюмГУ. № 7. С. 35-51.
22. Чореф М.М. Становление византийской Таврики: по данным нумизматики // МАИАСК. 2013. Вып. 5. 166-168.
23. Чореф М.М. К вопросу об административном устройстве раннесредневековой Таврики по данным нумизматики // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2015. Вып. 4. С. 78-89.

24. Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D. Byzantine coins and their values. London, 1987.

Рис. 1. Реплика золотой монеты Феофила из Севастополя.

М.Я. Чорэф

научный сотрудник БГИКЗ

М.М. Чорэф

канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,

Нижневартровский государственный университет

К АТРИБУЦИИ ПЕЩЕРНОГО КОМПЛЕКСА У ВОРОТ КИЧИК-КАПУ

Аннотация: «Пещерные города» являются одними из самых известных и часто посещаемых памятников Крыма. Однако они все еще не изучены в полной мере. Дело в том, что на их территориях, как правило, не образуется мощный культурный слой. Дело в том, что поверхность этих поселений регулярно подчищалась самими жителями, сбрасывающими мусор со склона. Это вполне объяснимо. Дело в том, что скальная поверхность использовалась для сбора воды. Сложнее всего изучать пещерные культовые комплексы. Дело в том, что в них практически не накапливаются отложения. Объектами изучения могут стать только остатки планировки и знаки на стенах. Объектом нашего изучения стал один из таких пещерных комплексов, расположенный на склоне гор. Чуфут-Кале.

Ключевые слова: История, археология, «пещерные» города, Крым.

Каждый посетитель Чуфут-Кале, поднимаясь к Южным воротам, невольно обращает внимание на небольшую группу пещер, расположенных у подъема на узком навесе, немного правее дороги. Даже с большого расстояния в двух из них видны следы работы человека – полукруглые ниши в северных стенах. Однако в экскурсионную программу посещение этих пещер не входит, и турист вскоре забывает об увиденном. К сожалению, не только гости Крыма, но и исследователи обошли их своим вниманием. Только в 1976 г. один из авторов этой статьи смог провести небольшие раскопки в этом районе [32]. Однако из-за

дефицита времени, сил и средств ему толком не удалось обследовать объект, а результаты исследований не были своевременно изданы, хотя обильный и разновременный археологический материал, найденный в ходе раскопок мог значительно прояснить историю поселения на мысе Чуфут-Кале. Уже в настоящее время другим автором текст отчета был проанализирован, а расчищенные в ходе работ пещеры изучены¹.

Этот объект выбран не случайно. Ведь даже в ходе беглого осмотра района раскопок 1976 г. становится очевидным, что расчищенные рукотворные пещерные сооружения должны были быть связаны с культовым комплексом, расположенным на южном склоне и изданным нами ранее [7, с. 49–56]. Заметно, что от неширокой скальной террасы, на которой они расположены, вверх ведет крутая лестница, прорубленная, судя по стертости ступеней и по ее местоположению, задолго до возведения позднесредневековой крепостной стены (рис. 1). Ведь трудно даже предполагать, что жители Чуфут-Кале захотели бы приготовить столь удобный подъем для непрошенных гостей.

Попробуем определиться с назначением этих пещер. Для этого приведем результаты их осмотра. Начнем их описание с крайней правой (рис. 2). Она представляет собой неглубокую вырубку полукруглой формы, с высотой 1,85 м у входа, глубиной до 90 см и шириной 2,70 м. В ее северной стене вырублены две полукруглые ниши, представляющие собой неглубокие высокие конические углубления. Наибольшая из них – левая. Ее высота 0,95 м, ширина 0,9 м и глубина 0,44 м. Правая ниша меньше по объему: соответственно $0,77 \times 0,55 \times 0,2$ м. В восточной стене помещения хорошо просматривается крестовидное углубление $0,65 \times 0,65 \times 0,04$ м, судя по форме, пригодное для крепления большого распятия. В районе входного проема просматриваются многочисленные круглые и

¹ Основываемся на методике, разработанной Н.В. Днепровским [14, с. 131–143; 15, с. 49–75; 16, с. 41–69; 17, с. 148–186; 18, с. 187–207; 19, с. 208–243; 20, с. 125–193; 21, с. 194–206; 22, с. 108–138; 23, с. 139–161; 24, с. 417–455; 25, с. 18–25; 26, с. 187–194].

овальные подрубки под доски или бревна. Судя по хорошо сохранившимся вырубкам, вход в пещеру был прикрыт широкой двухстворчатой дверью, судя по следам крепления запора, закрывавшуюся снаружи.

Попытаемся определить назначение этого помещения. Отметим, что как само положение пещеры – на южном склоне, так и отсутствие окон говорит о том, что она освещалась солнечным светом и только при открытых дверях. Да и ниши, прорубленные в ее северной стене не пригодны для установки светильников. Они слишком велики и неглубоки, да. Но зато в них можно было закрепить иконы, хорошо видные поднимающимся при открытых дверях. Всякие сомнения снимает выявленная подрубка для установки креста. Считаем, что наличие следов крепления распятия и икон, а также само ее расположение говорит о том, что эта пещера являлась небольшой часовней. Каких-либо следов позднейшей переделки в ней выявлено не было¹.

Следующая пещера, расположенная западнее по склону, судя по многочисленным подрубкам, была неоднократно перестроена. В ее полу заметны многочисленные разновременные вырубки. Возможно, первоначально в ней была устроена костница. В любом случае, наличие общего ливнепровода этих помещений говорит о том, что их использовали одновременно.

Так же трудно сказать что-либо определенное о пещере, расположенной немного западнее вышеописанной. Вероятно, она на последнем этапе использовалась для хозяйственных целей.

Значительно интереснее пещера, расположенная немного западнее ранее описанных. Ее размеры 3,10 × 3,0 м, высота до 2,0 м. В ее северо-восточном углу просматриваются следы источника – намыв высотой 1,48 м и с наибольшей шириной 1,0 м (рис. 3). Под ним видны следы стесанного корыта для сбора воды. Над источником на северной стене видны два каменных кольца, между которыми заметен хорошо сохранившийся

¹ Вернее всего, эта пещера заплывала землей, веками стекавшей с поверхности плато. Открыта она была только в ходе раскопок [32].

греческий крест ($0,38 \times 0,39$ м) (рис. 4). На западной стене помещения просматривается небольшой равносторонний крест ($0,10 \times 0,15$ м), вписанный в ромб (рис. 5). Севернее его, близ северо-западного угла, под потолком вытесана ниша ($0,53 \times 0,20$ м). Немного западнее нее просматривается граффити – т.н. «Вавилон». Судя по наличию в помещении многочисленных знаков, этот родник почитался святым для православных христиан.

Самая западная из пещер этого комплекса состоит из двух помещений (Рис. 6). Начнем описание с правого, вытянутого по оси запад-восток. Его длина 7,30 м, ширина до 2,0 м, наибольшая высота у восточной стены ок. 2,0 м, в центральной части – 1,85 м. В настоящее время в помещение можно попасть сквозь пролом в полукруглой восточной стене, образовавшийся в результате вывала. Однако ранее в него можно было подняться снизу по скальной лестнице. К настоящему времени сохранились только две верхние ступени и порог (ширина 0,70 м) (рис. 7).

Вообще, стены и пол пещеры сохранили следы многочисленных переделок. Однако наличие ярко выраженного скругления восточной стены – вероятно, абсиды, над которым прослеживается поднятие уровня свода – возможно, конхи, а также полукруглых ниш ($0,56 \times 0,98 \times 0,35$ м и $0,54 \times 0,30 \times 0,19$ м) в ее северной стене, как мы считаем, пригодных для хранения святых даров¹, позволяет нам предполагать, что она первоначально являлась культовым сооружением. В тоже время отсутствие углубления для монтирования престола, наличие следов древнего входа в восточной части помещения, близ предполагаемой абсиды, как видно, не огражденной алтарной преградой, говорит о том, что церковью она не была. Предполагаем, что исследованное нами первое помещение пещеры являлось часовней.

Второе ($4,90 \times 3,05$ м), сориентированное по оси север-юг, так же было неоднократно переделано. Судя по хорошо

¹ Наличие подобных ниш, правда, с надписями и прорубленных в южной стене, дало возможность Ю.М. Могаричеву выделить на Тепе-Кермене еще одну пещерную церковь [29, с. 87, рис. 344–345].

сохранившимся скальным кормушкам в ее полу, в ней, на каком-то этапе использования, был устроен хлев. Однако как само ее расположение, так и просматриваемые следы общего входа с предполагаемой часовней, дает нам право считать, что в ней ранее находились костница.

Вероятно, в результате древнего обвала разрушилась лестница, ведущая в эту пещеру, а восточная стена последней обвалилась. Вскоре местные жители, вернее всего – не христиане ввели ее в хозяйственный оборот. Однако отдельные архитектурные элементы, позволяющие выяснить первоначальное назначение этой пещеры, все же сохранились.

Таким образом, обследовав небольшой пещерный комплекс, находящийся восточнее Южных ворот, мы выявили две часовни, костницу и агиасму.

В свою очередь, обнаружение этих культовых объектов дает нам право попытаться найти аналогии в размещении культовых, жилых и хозяйственных помещений ряда многоярусных пещерных монастырей Балкан [1; 2; 3; 4], Малой Азии [33], Крыма и Кавказа [27]. К примеру, как на Бакле [10], в Инкермане [29, с. 6–30], Качи-Кальоне [5; 29, с. 80–82], Тепе-Кермене [9, с. 13–44; 29, с. 83–87], Чилтер-Мармаре [6, с. 114–144; 29, с. 31–34], так и на Мангупе [12; 29, с. 54–76], в Эски-Кермене [29, с. 39–53] и у Южных ворот Чуфут-Кале эти объекты размещены в три–четыре яруса. На нижнем этаже были устроены служебные помещения, кельи братии размещались выше по склону, а культовые сооружения всегда располагали на господствующих высотах или высекали в отдельно стоящих останцах. Причем церкви всегда находились над часовнями. Правда, иногда их высекали на одном уровне, но, в любом случае, выше подсобных помещений. Заметим, что если в предыдущей статье [7, с. 49–56] мы писали о церквях, расположенных на плато, то сейчас мы вводим в научный оборот результаты исследования часовен. Теперь, двигаясь по дороге, придерживаясь по мере возможности древней скальной

лестницы, мы выявили ранее неизвестные культовые сооружения¹.

Вероятно, мы имеем дело с четко прослеживаемой тенденцией. Считаем, что для удобства исследования скальных монастырей целесообразно первым делом выявлять следы древних дорог, соединявших культовые объекты. Ведь эти пути были необходимы для крестного хода.

Вообще, если наша теория верна, то у нас появились реальные основания для уточнения местоположения раннесредневековых оборонительных сооружений, выстроенных для защиты расщелины у Южных ворот Чуфут-Кале. Дело в том, что ряд исследователей до сих пор считают, что некоторые из многочисленных лестниц, соединявших службы Южного пещерного комплекса, являлись ранее постелями оборонительной стены [11, с. 43]. Согласно их точке зрения, она не защищала ни расщелину, ни пещеры и не была связана с башней, возведенной над осадным колодцем – т.н. Тик-Кую. Мы не можем согласиться с их мнением. Считаем, что не было смысла прокладывать узкую, в один камень стену по верхней кромке плато, оставляя без защиты неконтролируемые пещеры у удобного подъема и важнейший объект – осадный колодец. Примеров такой неосмотрительности история не сохранила. Мало того, предполагаемая «постель стены» ведет к выявленному нами пещерному храму, причем на последнем этапе она проходит в расщелине, а ее крутизна и ярко выраженная ступенчатость не дает нам возможности теоретизировать о ее предназначении². Мы уверены, что

¹ Отметим, что это явление было уже замечено В.Н. Даниленко [13, с. 127–145].

² Пользуясь случаем, доводим до сведения читателя, что в результате комплексной проверки нами было установлено, что пещера, описанная А.Н. Поповым церковью не являлась. Предполагаем, что скальная перемычка, разделявшая два небольших смежных помещения, развалилась в результате землетрясения, а жители позднесредневекового города подтесали ее остатки. Однако сохранившаяся разница в уровнях в разных частях образовавшейся пещеры сохранилась. Считаем, что «полукруглая выемка» в ее

оборонительные сооружения прикрывали в первую очередь как культовые, так и хозяйственные объекты¹.

Пользуясь нашими работами, в ближайшем будущем мы попытаемся ввести в научный оборот описания келий и хозяйственных помещений монастыря Чуфут-Кале, а также попытаемся его датировать.

Литература

1. Атанасов Г. Средновековни скални църкви в Силистренски окръг // ИНМВ. № 20(5). 1984.
2. Атанасов Г. Няколко скални манастири в Южна Добруджа // ИНМВ. № 25(40). 1989.
3. Атанасов Г. Скални монашески обители в Добруджа (IV–XIV вв.) / Автореф. на кандидатска дисертация. София, 1990.
4. Атанасов Г., Чешмеджиев Д. Средновековният скален манастир до Варна // ИНМВ. № 26(41). 1990.
5. Веймарн Е.В., Чореф М.Я. Корабль на Каче. Археологические памятники Крыма. Симферополь, 1976.
6. Веймарн Е.В., Чореф М.Я. Пещерный ансамбль Чильтер в Крыму // Пещеры Грузии. Тбилиси, 1978. С. 114–144.
7. Веймарн Е.В., Чореф М.Я., Чореф М.М. К вопросу о существовании раннесредневековой пещерной церкви в районе Южных ворот Чуфут-Кале // Sacrum et Profanum III. Небесные патроны и их земные служители. Сборник научных трудов / Ред.–сост. Н.А. Алексеенко, Ю.А. Бабинов, Х.Х. Хофман. Севастополь, 2007. С. 49–56.
8. Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // Российская археология. М., 2005. №1. С. 72–80.
9. Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е. Тропа над пропастью. Пещерный монастырь на северном обрыве городища Тепе-Кермен // Сугдейский сборник. Вып. 1. Киев; Судак, 2004. С. 13–44.

восточной стене представляет собой подрубку для монтирования встроенного шкафа.

¹ Этот вопрос мы подробно разобрали в [31, с. 145–153].

10. Волошинов И.М., Клепинин Н.Н. Пещерное поселение Бакла в Крыму // ЗКОЕЛП. Т. 2. Симферополь, 1912.
11. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-Кале. Симферополь, 1993.
12. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь, 1996.
13. Даниленко В.Н. Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 127–145.
14. Днепровский Н. В. 2008а. К вопросу о локализации убежища святого Василия, епископа Херсонского // МАИАСК. 2008. Вып. 1. С. 131—143.
15. Днепровский Н.В. К истории христианского поселения на месте современного Бахчисарая: вновь найденный пещерный скит в старой части города // МАИАСК. 2008. Вып. 1. С. 49–75.
16. Днепровский Н.В. Вновь открытый пещерный комплекс в Георгиевской балке (Севастополь) // МАИАСК. 2010. Вып. 2. С. 41–69.
17. Днепровский Н.В. Культурный комплекс у Южных ворот Эски-Кермена // МАИАСК. 2011. Вып. 3. С. 148–186.
18. Днепровский Н.В. Пещерные сооружения восточного обрыва городища Кыз-Кермен // МАИАСК. 2011. Вып. 3. С. 208–243.
19. Днепровский Н.В., о. Виктор (Шкурдода В.А.). К вопросу о первоначальной литургической планировке триконхальных пещерных церквей Эски-Кермена // МАИАСК. 2011. Вып. 3. С. 187–207.
20. Днепровский Н.В. К вопросу о генезисе и назначении комплекса пещерного храма «Успения» в Эски-Кермене // МАИАСК. 2012. Вып. 4. С. 125–193.
21. Днепровский Н.В. К истории с «Географией», или об одном казусе крымской христианской топонимики // МАИАСК. 2012. Вып. 4. С. 194–206.
22. Днепровский Н. В. К вопросу о каноническом смысле росписи пещерного храма «Трех всадников» // МАИАСК. 2013. Вып. 5. С. 108–138.

23. Днепроvский Н.В. К вопросу об интерпретации ойконима «koutteley» из «Путеводителя» Ш. де Монтандона // МАИАСК. Вып. 5. Севастополь; Тюмень, 2013. С. 139–161.
24. Днепроvский Н.В. Из археологического наследия Е.В. Веймарна: «Ритуальный комплекс» на западной окраине Эски-Кермена // МАИАСК. Вып. 6. Севастополь; Тюмень, 2014. С. 417–455.
25. Днепроvский Н.В., Чореф М.М. К вопросу о локализации и датировке армянского наземного храма в Бахчисарае // Историческое наследие Крыма. Вып. 20. Симферополь, 2007. С. 18–25.
26. Днепроvский Н.В., Чореф М.М. К вопросу о местонахождении надписи, обнаруженной В.И. Григоровичем в округе Черкес-Кермена // МАИАСК. Вып. 5. Севастополь; Тюмень, 2013. С. 187–194.
27. Мелитаури К.Н. Строительство и архитектура Вардзии. Тбилиси, 1975.
28. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви в районе подземной дороги Эски-Кермена // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 117–198.
29. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
30. Репников Н.И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма // Архив ЛО ИА. Ф. 10. Д. № 10.
31. Чореф М.М. К истории Эски-Юрта // МАИАСК. Вып. 1. Симферополь, 2008. С. 145–153.
32. Чореф М.Я. Отчет об археологических работах на средневековом городище Чуфут-Кале, проведенных в период работ по благоустройству этого памятника в 1976 г. // Архив М.Я. Чорефа.
33. Rodley L. Cave monasteries of Byzantine Cappadocia. London, 1985.

Рис. 1. Пещерный комплекс у Южных ворот Чуфут-Кале (фото Н.В. Днепровского).

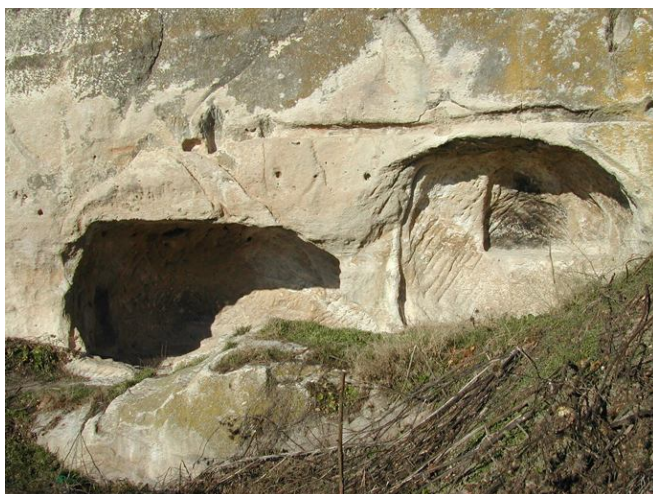

Рис. 2. Предполагаемая часовня №1.

Рис. 3. Предполагаемая агисма. Источник.

Рис. 4. Предполагаемая агисма. Крест на северной стене.

Рис. 5. Предполагаемая агисма. Крест на западной стене.

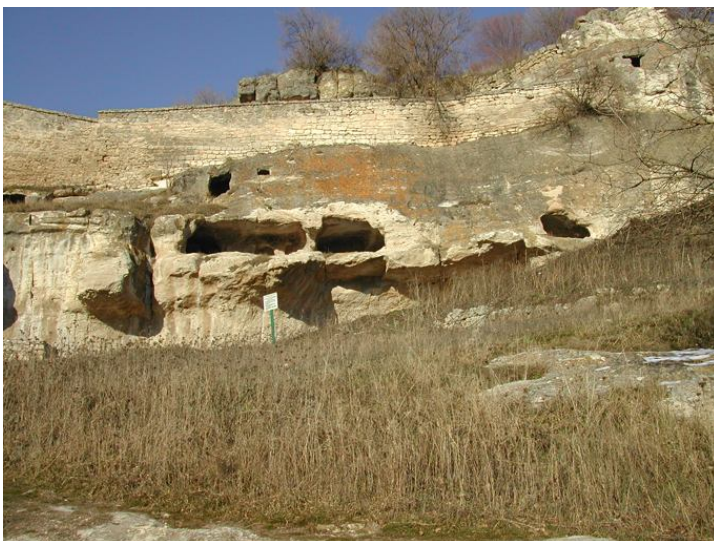

Рис. 6. Предполагаемые часовня №2 и костница. Вид с юга.

Рис. 7. Следы порога и лестницы, ведущей в предполагаемую часовню №2.

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ГЕНИЗА ЧУФУТ-КАЛЕ

Аннотация. Уникальность пещер как исторических артефактов заключается в том, что есть вероятность отследить этапы их использования. Дело в том, что стены скальных сооружений хранят следы модификаций. Объектом нашего исследования стала такая пещера, изначально использовавшаяся как часовня, церковь, а позже стала загонем для скота, и, в конце концов – генизой, т.е. культовым кладбищем книг.

Ключевые слова: история, Крым, «пещерные города», христианская археология.

Речь пойдет об одной весьма интересной пещере¹, расположенной непосредственно под караимскими кенассами Чуфут-Кале (рис. 1). Она представляет собой небольшое помещение, сориентированное по оси северо-запад – юго-восток. Его длина составляет 7,1 м, наибольшая ширина 3,6 м, а высота свода ок. 2 м. Вместе с несколькими пещерами это помещение образует сложный и разнородный пещерный комплекс².

Войти в нее можно сквозь проем, прорубленный в «южной» стене (рис. 2). Он имеет правильную прямоугольную форму. Хорошо сохранились следы аккуратной подрубки для установки внутренней двери и внешнего затвора.

Отдельные участки поверхности: полукруглый юго-восточный свод, западная и южная стены пещеры, а также пол и потолок несут следы разнообразной обработки. Заметны следы

¹ Продолжаю исследование, начатое в 2007 г. [2, с. 49–56].

² Методика исследования раннесредневековых пещерных культовых комплексов была разработана Ю.Ю. Шевченко [10, 55–147; 11, 390–416]. В последние годы она была усовершенствована Н.П. Туровой [5, 154–183; 6, 154–183]. Схема описания и изучения многопрофильных комплексов была предложена М.В. Фоминым [7, с. 127–153].

грубой перекрестной подрубки и подтески. Остальная поверхность помещения не была отделана. Камень просто ломали. Видны только неглубокие выемки для монтирования вертикальных балок, отстоящих друг от друга на расстояние 50–60 см. Значительно больше архитектурных деталей просматривается на обработанной поверхности (рис. 3). Так, в западной стене пещеры были прорублены два сквозных отверстия: верхнее щелевидное 0,44 на 0,14 см и нижнее треугольное 1,20 на 0,65 м. На нижней грани последнего из них просматриваются следы креплений железной решетки (рис. 4). У восточной стены (рис. 5,1) сохранилась небольшая полукруглая ступенька, в которой была вытесана глубокая прямоугольная вырубка 14 на 17 см (рис. 5,2). Под возвышением видны многочисленные отверстия, пробитые в трещинах породы. Такие же углубления просматриваются и под каждой вертикальной выемкой на северном, южном и восточном участках. На потолке на расстоянии 1,4 м от восточной стены различимы две дуговидных подрубки. Восточнее двери, у потолка было прорублено окно. Кроме них, на южной стене сохранилось каменное кольцо. Сильное выветривание породы привело к вывалу юго-восточного участка пещеры. Вероятно, это произошло очень давно, так как жители, использовавшие это помещение, были вынуждены достраивать эту стену: они подтесали ее остатки и прорубили в ней отверстия для установки кольев, к которым, вероятно, крепили доски.

Попытаемся проследить историю пещеры. Для этого проанализируем сохранившиеся целиком или частями архитектурные детали. В первую очередь необходимо выделить ступеньку с вырубкой у полукруглой юго-восточной стены, а также следы крепления на своде пещеры. Вероятно, они являются следами установки престола и алтарной преграды в апсиде. Все это, вместе с ориентацией позволяет говорить об использовании пещеры как небольшой церкви. Позднее она была оставлена и далее использовалась в хозяйственных нуждах населения. Скорее всего, именно в это время в ее южной части было вытесано каменное кольцо. Одновременно в соседних скальных помещениях были устроены хлева.

О правдоподобности такой атрибуции говорит и наличие хорошо сохранившейся лестницы¹, ведущей к пещере от площадки на поверхности плато. Ведь ее не могли вытесать в то время, когда пещеры под современными кенассами стали использовать в качестве загонов для скота. По определенным причинам не было смысла ее делать и в период функционирования караимского культового комплекса.

Западная стена и дверной проем несут на себе следы тщательной обработки, в углах пещеры можно увидеть следы расширяющей ее подрубки. Вряд ли бы так стали бы обустривать хозяйственное помещение. Оба отверстия в западной стене не типичны для обжитых пещер этого региона. Их назначение может объясняться использованием данной пещеры в качестве особого архива караимской общины Кале – генизы². Через верхнее отверстие могли регулярно и свободно опускать в хранилище отдельные книги или страницы. По периметру пещеры можно проследить следы подрубок для установки шкафов. В них могли хранить старинные, но уже вышедшие из употребления свитки и кодексы.

Отметим, что в записках путешественников встречаются упоминания о генизе Чуфут-Кале. Так, А.В. Терещенко был в «синагоге, находившейся как бы в подземелье», и видел в ней «Пятикнижие Моисеево, писанное на древнем еврейском языке, на пергаменте, как уверяют, за несколько веков до Рождества Христова» [4, с. 70]. Мы уверены, что путешественника водили именно в генизу, так как трудно даже предполагать, что столь древний свиток мог быть использован при богослужении. Однако он был в достаточно хорошем состоянии – его

¹ Эта лестница соединяла пещерные часовни у Южных ворот Чуфут-Кале и скальные церкви на плато [8].

² Научная литература, посвященная такому важному в еврейской культовой практике явлению как гениза (от древнееврейского גִּנְזָא – копить, собирать, хоронить, также см. גִּנְזָא – хранилище, сокровище (Есфирь 3:9); אֲרֹנָה לְגִנְזָא – укладка, ларь, ящик для хранения чего-либо (Иезекииль 27:24), גִּנְזָא – сокровище (Ездра 5:17) и т.д.), достаточно обширна. Рекомендуем ознакомиться хотя бы с библиографией, приведенной в [12, р. 460].

демонстрировали высокопоставленным гостям. Кроме того, по свидетельству А.В. Терещенко, свиток хранился в «синагоге» – т.е. в помещении, сопряженном с одним из домов собраний Чуфут-Кале, или размещавшемся близ них.

Один аспект вышеприведенной цитаты путешественника требует отдельного комментария. Датирование Пятикнижия несколькими веками до Р.Х. вызывает явные сомнения. Ведь столь древние тексты до сих пор не выявлены. Предполагаем, что путешественник осматривал коллекцию небезызвестного А.С. Фирковича¹. Вероятно, при нем в помещении для хранения «раритетов» были устроены шкафы и переделана дверь.

В ходе собирательской деятельности последнего гениза была опустошена. А так как к тому времени основная часть караимского населения уже перебралась в Бахчисарай, то пещера осталась пустовать.

Таким образом, тщательно обследовав одну из пещер южного склона Чуфут-Кале и проанализировав ее месторасположение, мы можем прийти к следующим выводам: перед нами еще одна интереснейшая пещерная церковь и ритуальное место хранения текстов караимской общины.

Литература

1. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
2. Веймарн Е.В., Чореф М.Я., Чореф М.М. К вопросу о существовании раннесредневековой пещерной церкви в районе Южных ворот Чуфут-Кале // *Sacrum et Profanum* III. Небесные патроны и их земные служители. Сборник научных трудов / Ред.–сост. Н.А. Алексеенко, Ю.А. Бабинов, Х.Х. Хофман. Севастополь, 2007. С. 49–56.

¹ Не считаю нужным приводить все известные нам сведения об этом человеке, которые можно свободно почерпнуть из обширной посвященной ему литературы. Заметим только то, что М.И. Артамонов не упоминал его имени, не добавляя крайне корректного эпитета: «известный своими подделками» [1, с. 8-9, 30]. Наилучшее изложение биографии этого «исследователя» приведено в [3; 9, с. 533–555].

3. Дейнард. Д. Толедот «Авен-Решеш». Биография А. Фирковича – ученого исследователя, известного учителя всех караимов р.Авраама, сына р.Самуила Фирковича, прозванного «Авен-Решеш» / Пер. с Д. Гумуша. Симферополь, 1968 // Архив М.Я. Чорефа.
4. Терещенко А. Очерки Новороссийского края. IV. Некоторые местности Южного Крыма // ЖМНП. Ч. LXXXIV. СПб., 1854. С. 34–127.
5. Турова Н.П. История изучения христианских древностей южного берега Крыма // МАИАСК. 2015. Вып. 7. С. 154–183.
6. Турова Н.П. Средневековый пещерный комплекс хребта Иограф над г. Ялтой // МАИАСК. 2014. Вып. 6. С. 93–173.
7. Фомин М.В., Огиенко Е.В., Шевцова А.А. О культовом комплексе Западной базилики в средневековом Херсонесе–Херсоне // МАИАСК. 2015. Вып. 7. С. 127–153.
8. Чореф М.Я. К атрибуции пещерного комплекса у ворот Кичик-Капу // Древний и средневековый Крым. Вып. 1. Нижневартовск: НВГУ. С. 27–39.
9. Шапира Д. Йицхак Сангари, Сангарит, Бецалель Штерн и Авраам Фиркович: История двух поддельных надписей // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 533–555.
10. Шевченко Ю.Ю. К вопросу о методике датировки первохристианских пещерных храмов Восточной Европы // МАИАСК. 2011. Вып. 3. С. 55–147.
11. Шевченко Ю.Ю. Первый пещерный христианский храм Восточной Европы эпохи готских походов III в. н.э. (по материалам пещерного монастыря Челтер-Мармара в Крыму) // МАИАСК. 2014. Вып. 6. С. 390–416.
12. Encyclopaedia Judaica. Second Edition. V. 7 / Ed. Skolnik F., Berenbaum M. Detroit; New York; San Francisco; New Haven; Waterville; London, 2006.

**Рис. 1. Район кенасс Чуфут-Кале. Вид с юга
(фото Н.В. Днепровского).**

Рис. 2. Вход в генизу.

Рис. 3. Часть северной стены пещеры. Видны следы ломки камня и подрубки для крепления стеллажей.

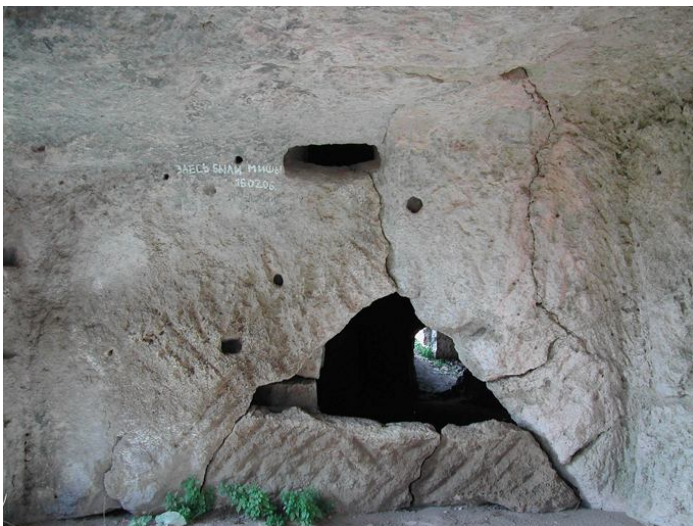

Рис. 4. Западная стена пещеры.

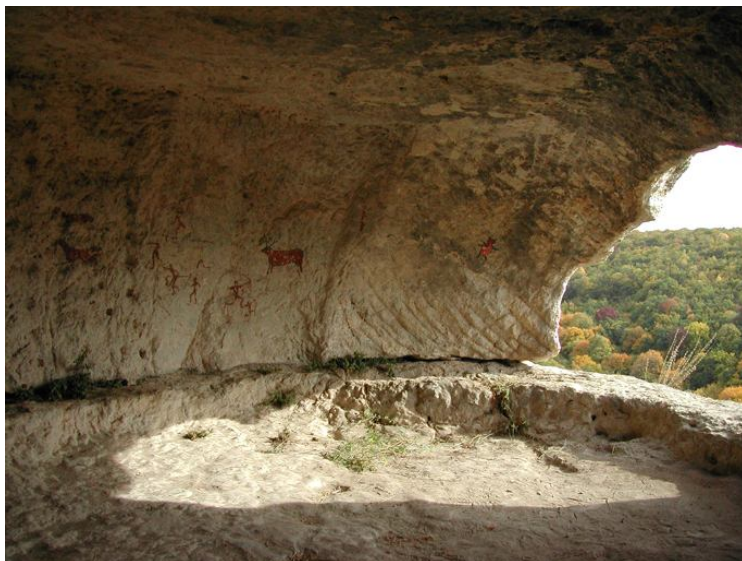

Рис. 5. Восточная стена пещеры. 1 – общий вид.

Рис. 5. Восточная стена пещеры. 2 – выемка под престол.

М.М. Чорэф

канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Нижневартровский государственный университет

БИОГРАФИЯ МУХАММЕДА ГИРАЯ IV

Аннотация: Обилие доступных материалов по истории Крымского ханства позволяют нам пересмотреть некоторые сложившиеся стереотипы. К примеру, мы считаем необходимым уточнить общепринятые на данный момент представления о Мухаммеде Гирае IV как о правителе. В предлагаемой статье мы приводим некоторые сведения из его биографии, сопровождая их необходимыми, с нашей точки зрения, комментариями.

Ключевые слова: история, Крымское ханство, Мухаммед Гирай IV.

Гази Софу Мухаммед Гирай IV (1051–1054, 1064–1076 гг. х., 1641–1644, 1654–1666 гг.), сын Селямета Гирая I (1017–1019 гг. х., 1608–1610 гг.) – один из самых известных правителей Крымского ханства. Его второе правление стало эпохой в жизни и в истории этого государства. Но большинство исследователей и сейчас считают его безвольным человеком и бездарным правителем. Дело в том, что В.Д. Смирнов, проанализировав турецкие источники, писал, что Мухаммед Гирай IV был «неважным человеком как по личности, так и по правительственным качествам»¹ [17, с. 526–527].

Попытаемся разрешить это противоречие. Для этого рассмотрим биографию Мухаммеда Гирая IV. Известно, что он начал подъем к престолу еще в первое правление своего сводного брата Джанибека Гирая (1019–1032, 1036–1044 гг.х.,

¹ Мы не ставим перед собой цели дать моральную оценку поступков этого хана. Нам он интересен только как правитель. Однако мы не можем не отметить и то, что он был суфием мевлеви и оставил проникнутые глубокоим религиозным чувством, полные скорби стихотворения [4, с. 27–29].

1610–1623, 1627–1635 гг.), когда согласился стать нур эд-дином, а позже и калгой¹ после убийства ханом своего брата Азамата Гирая [17, с. 525]. При ближайших преемниках этого правителя Мухаммед Гирай жил в окрестностях Ямболи. В Турции он завел знакомства при дворе, благодаря которым дважды занимал престол. Впервые он достиг ханата в 1641 г. По прибытию в Крым молодой правитель столкнулся с рядом проблем, разрешить которые не удавалось его предшественникам Джанибеку Гираю (1019–1032, 1036–1044 гг.х., 1610–1623, 1627–1635 гг.), Инаету Гираю (1044–1046 гг.х., 1635–1637 гг.) и Бахадыру Гираю (1046–1051 гг.х., 1637–1641 гг.). Дело в том, что в нач. XVII в. Крымском ханстве начинается системный кризис, вызванный как усилением экономически развитых христианских государств–соседей, так и активизировавшейся колонизацией степей Украины казачеством и переселением калмыков². Вследствие этого углубился раскол в правящей элите этого государства. Если представители фамилии Гираев оставались лояльными Порте, заинтересованной в сохранении мирных отношений с Москвой, и, следовательно, старались умиротворить своих подданных и воспрещали набеги, то племенная аристократия, получавшая все меньше доходов от скотоводства в результате уменьшения своих земельных владений в степной части Украины, не могла более существовать без постоянных походов на север. В первый ханат Мухаммеда Гирая IV положение в ханстве стало критическим. Современники пишут об экономическом упадке государства Гираев в начале 1640–х гг.³ [11, л. 421, 429–430, 434]. Не взирая

¹ Об истории этих титулов см. [20, с. 22,25].

² Последние, перекочевав в степи Нижнего Поволжья, не только потеснили ногайцев, но и стали регулярно ходить в набеги в Крым. Для недопущения их на полуостров Мухаммед Гирай IV был вынужден спешно строить укрепления в районе Арабатской стрелки и укрепить Перекоп [8, с. 14–15, 99]. О набегах калмыков на ногайские юрты см. [10, с. 223–228].

³ Кризис удалось преодолеть только к 1647 г. [10, с. 313]. Вероятно, нормализация экономической ситуации в ханстве наступила после разрешения крымцам ходить в набеги, данного султаном Ибрагимом (1644–1648) в первый год его правления. Благоприятная ситуация в

на запрет правителя, его обедневшие вассалы были вынуждены регулярно грабить соседствующие с Крымом христианские государства¹. Слабость ханской власти, вызвала недовольство Порты, оставившей в 1644 г. Мухаммеда Гирая IV, обвиненного в плохом управлении. Вероятно, немалую роль в его низложении сыграл Сефергази Ага – сподвижник Ислама Гирая III (1054–1064 гг. х., 1644–1654 гг.). Бывшего хана сослали на о. Родос. Однако вскоре, в 1654 г., после смерти Ислама Гирая III Мухаммед Гирай IV опять взшел на престол. Во время своего второго ханата (1654–1665/6 гг.) он активно участвовал в борьбе за Украину, которая была начата еще при его предшественнике.

Известно, что уже в конце правления Ислам Гирая III намечалось сближение между ослабленной Речью Посполитой и Крымским ханством, опасавшихся дальнейшего усиления России – крайне опасной для этих государств. По договору, утвержденному в июле Сеймом, а в ноябре 1654 г. Мухаммедом Гиравем IV, союзники начали совместные военные действия против Украины и России [15, с. 29–30]. Судя по гахед-наме Мухаммеда Гирая IV к польскому королю Яну II Казимиру, вознаграждением Крымскому ханству за участие в войне должны были стать территории прежней Золотой Орды, в то время уже давно подконтрольные Москве: Казань, Астрахань, Терек и Тура [23, с. 98–105].

Однако уже первые сражения выявили слабость Речи Посполитой. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, крымское правительство, не считаясь более со слабеющим союзником и ссылаясь на прежние соглашения Ислама Гирая III с Богданом Хмельницким², выдвинуло на русско-крымских

Восточной Европе позволила Гиравем не только нормализовать отношения с аристократией, но и добиться фактической независимости [13, с. 224–225; 20, с. 433, 434].

¹ Отметим, что в 1642–1644 гг., во время «азовского сидения», самовольные, т.е. без разрешения хана, набеги крымцев на московские Украины участились [2, с. 11; 7, с. 170–171; 10, с. 308]. По свидетельствам современников, они были санкционированы Портой [11, л. 4–38].

² Согласно донесениям русских послов, Сефергази ага говорил, что украинские казаки «у них (хана) были в подданстве семь лет, и оне,

переговорах 2 мая 1655 г. претензии на Украину. Для предотвращения возможных набегов татар, и, возможно, для похода на Крым¹, российское правительство перевело к границам ханства воинскую группировку из ратных людей, набранных в Астрахани, а также калмыков и донских казаков под командованием князей Ф.Н. Одоевского, В.Б. Волконского и валуйского воеводы В.Г. Феофилаьева [15, с. 37].

Хан, узнав о готовящемся походе, стянул в Крым все свое войско; ему даже удалось перетянуть к себе 6 мурз Больших ногаев², кочевавших под Астраханью [5, с. 956]. Только эпидемия чумы летом 1655 г. на юге Восточной Европы помешала боевым действиям.

Как видим, обострившийся в тот момент конфликт с Россией и Украиной мешал Крымскому ханству оказывать оговоренную помощь Речи Посполитой. Только после того, как стало ясно, что поход на Крым не состоится, хан смог двинуть стотысячную орду на помощь осажденному Львову. Опасаясь татар, Богдан Хмельницкий взял контрибуцию с города и отошел на восток. В

крымские люди, проча их, черкас, себе, и чая от них впредь правды и постоянства, за них стояли, и с польскими и литовскими людьми бились, и многие неповинные крови проливали, и в обиду их никому не давали... А гетман де Богдан Хмельницкий...хотел быть за ними в подданстве и до веку. А ныне де запорожские черкасы им солгали, и воровством своим от них отложились, и доброту их забыли, а называются государевыми» [11, с. 121–141]. О принесении Б.Хмельницким присяги на верность известно из панегирика Ислама Гираву III [16, с. 19–20]. Об этом событии, как о вполне достоверном, пишет и с. М. Соловьев в своем основополагающем труде по истории России [18, с. 527].

¹ Для защиты центральных областей России в 1635–1658 гг. н.э. была построена оборонительная линия Харьков–Белгород–Воронеж–Козлов–Тамбов–Саранск–Симбирск, походившая по границе государства [2, с. 10; 14, с. 150]. В 1681 г. была построена Изюмская черта, проходившая южнее Белгородской [2, с. 10].

² Переселение Больших ногаев на подконтрольную крымским Гиравам территорию началось уже в 1630–е гг. н.э. Вернее всего, оно было вызвано нажимом союзных России калмыков, изгнавших из поволжских степей или подчинивших себе улусы Большой Ногайской орды [10, с. 240–241; 19, с. 412–415].

упорной битве у Озерного, произошедшей 9–12 ноября 1655 г., ханские войска безуспешно пытались разбить объединенную российско-украинскую армию. Военная неудача сделала крымскую дипломатию уступчивей. И, вскоре после сражения, Сефергази ага согласился соблюдать нейтралитет в войне Речи Посполитой и Московского государства за Украину [15, с. 41].

Именно в этот момент происходит изменение в ситуации в степях Восточной Европы: теперь уже Османская империя начинает действовать сама, а не с помощью своего вассала – Крымского ханства. Порта, не заинтересованная в дальнейшем усилении Крыма и сама желающая принять участие в происходившем территориальном переделе, потребовала от Мухаммеда Гирая IV прекратить нападения на Украину [15, с. 41]. Империя, напуганная возможностью потери Молдавии и Валахии, оказала в тот период всемерную помощь Речи Посполитой. Под ее нажимом Крымское ханство перестало претендовать на Украину.

Кроме того, беспокойство правящих кругов Османской империи вызывала и деятельность Дьердя II Ракоци (1648–1657, 1658, 1660 гг.) – князя Трансильвании, стремившегося отложиться от султана и овладеть польской короной¹ [9, с. 189–192]. В связи со сложившейся ситуацией хану опять разрешили вмешаться в войну за Украину, обязав его участвовать в борьбе с претендентами на польский престол. Однако из-за постоянной угрозы нападения российских войск и казаков на Крым Мухаммед Гирай IV смог отправить на помощь Яну II Казимиру

¹ Польская корона была нужна Дьердю II для поднятия престижа его государства, недостаточного на тот момент для организации большой антигабсбургской и антитурецкой коалиции, в которую, по его замыслу, должны были войти кроме Молдавии и Валахии, уже ставшими на тот момент вассалами Трансильвании, остальные государства Восточной Европы [9, с. 190]. Сам правитель первоначально не претендовал на королевский венец. Сразу же после своего прихода к власти он безуспешно предложил бездетному Яну II Казимиру (1648–1669 гг.) усыновить его сына Ференца. Вооруженную борьбу за престол Польши князь начал только после заключения 10 декабря 1656 г. соглашения с Карлом X Густавом (1654–1660 гг. н.э.) [24, с. 139–143].

(1648–1669 гг.) только корпус под командованием Субхангази аги, «воеводы орд белгородских». Этот отряд участвовал в трехдневной битве под Варшавой 28–30 июля 1656 г., а осенью этого же года вместе с литовской армией гетмана В. Госевского сражался со шведскими и бранденбургскими войсками на территории Восточной Пруссии. Отметим, что татары так жестоко разорили южные районы этого края, что население требовало немедленно заключить мир с Речью Посполитой [26, с. 479–481]. Преодолев сопротивление казаков в конце июня – начале июля 1657 г. крымская орда разгромила войска Дьердя II Ракоци. Богдан Хмельницкий скончался, узнав об этом поражении.

Показательно и то, что, выступив на стороне находившейся в критической ситуации Речи Посполитой, хан и крымская знать выразили свою крайнюю заинтересованность в ее сохранении. Даже после сражения у Озерного Мухаммед Гирай IV призывал военачальников разбитой шведами и капитулировавшей коронной армии вернуться под власть законного короля Яна II Казимира, обещая в этом случае всемерную помощь [15, с. 42; 23, с. 111–114]. Поддержка хана побудила Тышовецкую конфедерацию созвать посполитое рушение и восстановить Польско–литовское государство после «Потопа» [15, с. 42].

Воспользовавшись разрешением Порты, Мухаммед Гирай IV переходит к набегам на территорию Украины. В 1659 г. он разорвал дипломатические отношения с Россией [15, с. 55]. В том же году хан разбил ее войска под Конотопом и напал на ее беззащитные глубинные районы за Белгородской чертой; татар ожидали даже под Москвой. Последствия набега могли быть еще более плачевными, но большая часть ханского войска вернулась в Крым сразу же после сражения, так как Мухаммед Гирай IV опасался вторжения на полуостров украинских казаков.

Ситуация вокруг Украины еще более осложнилась после подписания 3 мая 1660 г. в Оливском монастыре мира между Речью Посполитой и Шведским королевством. Уже 28 октября этого же года объединенное польско-крымское войско разгромило российский корпус В.Б. Шереметева под Чудновом. Однако вернуть всю Украину Речи Посполитой не удалось:

татары были связаны постоянной угрозой вторжения союзников России – калмыков. Кроме того, большой корпус из Крыма был отправлен на войну с Габсбургами (1663–1664 гг.).

Расстановка сил на Украине изменилась в результате отказа П. Тетери от гетманства. Возникшим в регионе своеобразным безвластием воспользовалось Крымское ханство. С этого момента в борьбе за Украину оно уже не прикрывалось союзом с Речью Посполитой. После недолгих колебаний хан помог П.Д. Дорошенко, внуку знаменитого Михаила Дорошенко, стать гетманом Правобережья. Новый казацкий предводитель был утвержден после нажима татар и Радой.

П.Д. Дорошенко сразу же начал готовится к борьбе с Речью Посполитой за Правобережье. Подавив с помощью татар выступления овручского и брацлавского полковников Децика и Дрозда, гетман стал готовить вместе с Мухаммедом Гираем IV большой поход на Речь Посполитую [15, с. 70], состоявшийся уже после утверждения Адила Гирая (1076–1081 гг. х., 1666–1671 гг.) ханом Крыма. Набег был столь ужасен, что Варшава, опасавшаяся повторения подобного в ближайшем будущем, была вынуждена срочно искать себе союзников. Для этого она поспешила подписать Андрусовское перемирие с Московским государством (1667 г.) [6, с. 82–90; 15, с. 70].

В разгар довольно успешной борьбы за Украину Мухаммед Гирай IV был низложен. Поводами для его второй отставки могли стать ссора хана с великим визирем Кёпрюлю-заде Ахмед-пашой, недовольным участием хана в войне с Габсбургами или его попытка подчинить себе откочевавших к Силистре и принявших османское подданство ногаев-буджакцев¹.

Отметим, что Мухаммед Гирай IV в период своего второго правления провел денежную реформу, выпустив по образцу османских пара бешлыки (тат.: «пятаки») – монеты в пять акче². Поступление в обращение этих крупных биллонов не только облегчило платежи, но и позволило отказаться от использования

¹ По Эвлия Челеби с ханом сразились тогда 40–50 тыс. ногаев [25, с. 192].

² В первое свое правление он чеканил ординарные акче [22].

низкопробной разменных денег государств Восточной и Центральной Европы, ранее в изобилии ввозившихся в Крым.

После низложения Мухаммеда Гирая IV на престол возвели безвольного и неавторитетного представителя боковой линии правящей династии – Адиля Гирая из рода Чобан Гиравей (1666–1672 гг.). Новый правитель беспрекословно выполнял все приказы Порты.

Последние 9 лет жизни Мухаммед Гирай IV провел в Дагестане. Его сын Джанибек Гирай привез останки отца и похоронил в тюрбе Девлет Гиравей I¹ [3, с. 68].

Как видим, Мухаммед Гирай IV был достаточно энергичным, волевым и реалистичным политиком. Его политическим кредо было добиться некоторой свободы действия в Восточной Европе при безусловном сохранении османского сюзеренитета. Но исторические условия помешали хану развить успех, достигнутый Исламом Гиравей III в восемнадцатилетней войне за Украину, т.е. занять центральную и западную части ее территории, тем самым, создав как предполье перед Крымом, так и плацдарм для борьбы с Россией за Левобережье Днепра, Поволжье и Сибирь. Османская империя, временно усилившаяся в результате реформ великих визирей из династии Кёпрелю, уже не нуждалась в могущественном Крымском ханстве.

Литература

1. Борзенко А.А., Домбровский Ф.М., Кузьмин В.Н., Негри А.Ф. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // ЗООИД. Т. II. Одесса, 1850.
2. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (Численность, размещение, этнический состав). М., 2003.
3. Гирай, Халим султан. Розовый куст ханов или история Крымского ханства. Симферополь, 2004.

¹ К сожалению, могила Мухаммеда Гиравей IV к настоящему времени не найдена.

4. Грезы любви / Пер. с. Дружинина, составление, комментарии и послесловие Н. Абдульваапа. Симферополь, 2003.
5. Грушевский М.С. Історія України–Руси. Київ, 1932. Т.9. Ч.2.
6. К истории Андрусовского перемирия 1667 г. / подг. И.В. Галактионов // Исторический архив. М., 1959. Вып. 6.
7. Каргалов В.В. На степной границе. М., 1974.
8. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Пер. и комментарии Е.В. Бахревского. Симферополь, 1999.
9. Медведева К.Т. Внешнеполитическое положение Трансильванского княжества в 50–е – 60–е гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II. М., 2001.
10. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М. – Л., 1948.
11. РГАДА. Ф.123. Сношения России с Крымом. Оп. 2.1654 г. Кн. 35.
12. РГАДА. Д.7153 г. №3.
13. Санин Г.А. Некоторые проблемы истории Крымского ханства в XVII в. // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III.
14. Санин Г.А. Граница России и Крымского ханства во второй половине XVII – первой половине XVIII в. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. с.
15. Санин Г.А. Порты, Крым и страны восточной Европы в 50–60–х гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго–Восточной Европы в XVII в. Ч. II. М., 2001.
16. Сенаи, Кырым Хаджи Мехмед. Книга походов. Симферополь, 1998.
17. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. СПб., 1887.
18. Соловьев с. М. История России с древнейших времен. Кн. V (Т. 9–10). М., 1961.
19. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.
20. Чореф М.М. Новый тип монет Ислам–Гирея III // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2.
21. Чореф М.М. К биографии Девлет Гирея I // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2006. Вып. 15.

22. Чореф М.М. Монетные находки из пещеры Иограф // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы VI Международной научно-практической конференции (Нижевартовск, 13—15 февраля 2017 года). Ч. I. Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гос. ун-та, 2017. С. 546-548.
23. Фаизов с. Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постпереевского времени. М., 2003.
24. Хованова О.В. Трансильвания в период русско-польско-украинского конфликта в 50-е гг. XVII в. // Русская и украинская дипломатия в Евразии. 50-е годы XVII в. М., 2000.
25. Челеби, Эвлия. Книга путешествия (Извлечения из сочинений турецкого путешественника XVII в.). Вып. 1: Земли Молдовы и Украины / Сост. Желтяков А.Д. Предисл. Желтякова А.Д., Тверитиновой А.С., Мавродина В.В. М., 1961.
26. Baranowski B. Tatarszczyzna wobec wojny polsko-szwedzkiej w latach 1655–1660 // Polska w okresie drugiej wojny północnej. W., 1957. T. 1.

ПАНАЦЕИ ИЗ КРЫМА

Аннотация: Объектом исследования стали крышки от флаконов для древней панацеи - териака, найденные в Горном Крыму. Делается вывод о том, что жители этого региона Крыма активно использовали это снадобье, причем не только оригинального производства.

Ключевые слова: археология, история, Крым.

Начну с того, что артефакты малой пластики из Крыма в настоящий момент изучаются довольно активно. Однако не все они привлекли внимание исследователей. Как правило, речь идет о монетах. Насколько мне известно, к настоящему времени не опубликованы находки футляров панацеи, найденные на территории полуострова.

Приведу краткую справку. Панацеей в средневековье и в новое время называли териак — мнимое универсальное противоядие, по общепринятому тогда мнению, пригодное для излечения всех без исключения болезней, а также для борьбы с отравлениями, в т.ч. самоотравлениями организма, развившимся в результате внутренних болезней. Со временем териаку было также приписано свойство всесильного профилактического средства, дающего своему владельцу долгую здоровую жизнь [1; 2; 3].

Эти убеждения основывались на легендах. Считалось, что первый териак был изобретен Митридатом VI Евпатором. Он якобы создал универсальный препарат, защитивший его от всех ядов. От него териак попал к римлянам. В древнем Риме териак был усовершенствован Андрوماхом, врачом Нерона. Он же ввел оборот название его современное название лекарства. Позднее териаком интересовался один из основателей врачебного искусства Гален, чьи рекомендации по изготовлению

«универсального противоядия» оставались в силе до начала XIII в.

В средневековье териак стали изготавливать повсеместно. Но самым популярным считалось снадобье, выпущенное в Венеции. Причем древние полагали, что самый целебный териак изготавливали в аптеке «Теста д'Оро» [7; 32; 34]. Ее символом была золотая голова — бюст, до сих пор находящийся близ моста Риальто. Териак в ней стали изготавливать в 1603 г. Так что не случайно на крышках свинцовых флаконов этого снадобья размещали изображение головы в венке и круговую надпись: «TERIACA·F·ALLA·TESTA·DORO·IN·VENET» (рис. 1). И чтобы совершенно убедить покупателя в официальности производства этого снадобья, справа от головы оттискивали изображение льва св. Марка (рис. 1).

Но перейду к объекту моего исследования. Сравнительно недавно в Крыму, в окрестностях Бахчисарая, а, точнее, близ развалин Чуфут-кале, были найдены весьма интересные артефакты (рис. 2). Очевидно, что они служили крышками флаконов для териака. Они разной сохранности. Причем они, судя по символике и стилистике оформления, они были изготовлены в разных аптеках.

Начнем с крышки от панацеи, изображение которой приведено на рис. 2,1. Считаю, что она была выпущена по заказу аптеки «Теста д'Оро» (рис. 2,1). Дело в том, что она изготовлена очень тщательно. Вернее всего, на круглой заготовке было враз и профессионально оттиснуто сложное изображение и круговая надпись. Под изображением оттиснута дата начала его производства в этом медицинском центре — 1603.

Куда интереснее второй артефакт (рис. 2,2). Дело в том, что его оформление не соответствует стилистике оформления изделий аптеки «Теста д'Оро». Хорошо видно, что изображения и надписи смазаны, причем сам артефакт не несет на себе следов значительных физических повреждений. Остается только полагать, что заинтересовавший нас предмет является репликой официального изделия. И, действительно, его изготовление не было сложным — крышку для флакона отливали отдельно (рис. 3).

В свою очередь, третий артефакт (рис. 2,3) производит впечатление подлинного венецианского изделия. Так, его легенда читаема, и, судя по всему, оттиснута на заготовке, как это и было принято в Венеции. Однако этот артефакт был обрезан. Есть все основания считать, что его использовали вторично.

Замечу, что такие находки в Крыму не единичны. Однако их фиксируют на побережье. Сам же факт обнаружения фрагментов флаконов от териака в Горном Крыму убедительно свидетельствует о его широкой известности на полуострове. Очевидно, что териак был популярен и в среде населения Чуфут-кале. Причем они потребляли как оригинальные продукты, так и подражания им. Очевидно, сказывалось различие в доходах.

Итак, проведя небольшое исследование, ввожу в научный оборот три интереснейших артефакта — крышки от флаконов териака из Горного Крыма. Однако я не считаю свое исследование завершенным. Дело в том, что пока не ясно, где изготовили панацею, изображение флакона от которой приведено на рис. 2,2. Планирую заняться решением этой проблемы в ближайшем будущем.

Литература

1. Свинцовый переливок с античной монеты? (Коробочка от Териака) URL: <http://coins.su/forum/topic/158824-svintsovyi-perelivok-s-antichnoi-monety-korobochka-ot-teriaka/> (дата обращения: 14.03.2017).
2. Medicine Containers Used In the Golden Age of Piracy, Page 4. URL: http://www.piratesurgeon.com/pages/surgeon_pages/medicine_containers4.html (дата обращения: 14.03.2017).
3. Theriaca – ‘Venice Triacle’. URL: http://www.cngcoins.com/Bid.aspx?Item_ID=140847 (дата обращения: 14.03.2017).

Рис. 1. Крышка от териака аптеки «Геста д'Оро».

Рис. 2. Крышки от флаконов панацеи из Горного Крыма.

Рис. 3. Флакон от панацеи.